

СВЯТЫЕ НЕ СПЯТ

Vigilate et orate

Кит Люнэль

Кит Люнэль

Святые не спят

«Автор»

2026

Люнэль К.

Святые не спят / К. Люнэль — «Автор», 2026

Париж, 1893 год. После смерти отца Селеста Дюваль получает письмо, которое не должна была увидеть. Его отправительница — Элеонор де Монфор, женщина, связанная с загадочным культом и древним Шато де Вальруа. Вскоре Селеста обнаруживает записи отца, где всё чаще встречается одно и то же имя — Пёс. Чем глубже она погружается в тайну, тем яснее становится: смерть Элеонор была лишь началом. За старинными молитвами, латинскими надписями и страницами запретной Книги Порога скрывается нечто, чему нельзя позволять переступить границу между мирами. Но если Пёс действительно существует — почему он зовёт именно её?

© Люнэль К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Кит Люнэль

Святые не спят

Глава 1

Воск свечи, добела раскаленный,
Заливает пустые глазницы.
Вязкий шепот в тумане рожденный.
Улетает за жизни границы.

Глава 1.

13 ноября, 1893 год, Париж, Франция
«Если услышишь Пса — не отвечай. Молись.»
А. Д., 1889

Мокрое платье облепило тело словно ледяной, сочащийся влагой саван. Ткань намертво прилипла к груди и бедрам, мешая сделать хотя бы один полноценный вдох, а промокший подол тяжелыми путами обвился вокруг лодыжек.

Селеста с мясом рванула на себя входную дверь, ворвалась в комнату и с грохотом захлопнула её, отсекая ярость ливня. Она не обернулась. Даже когда в дверь что-то зычно ударилось с другой стороны, Селеста лишь сглотнула ком, застрявший, словно кость поперек горла. Она знала, кто это был.

Прижавшись лопатками к сквознящему дереву, она судорожно сделала вдох. Сердце колотилось так бешено, что удары отдавались в висках тупой болью. Волосы превратились в грязные, мокрые плети; холодные струйки заползали за шиворот, прочерчивая по спине дорожки невыносимого, бьющего в озноб холода. Её трясло.

Но весь этот дискомфорт перекрывал ужас, который она принесла с собой в комнату. Теперь он сосредоточился в одном-единственном предмете, зажатом в её пальцах.

На конверте тёмным, как запекшаяся кровь, воске печати отчетливо выделялся герб — звезда, переплетенная с цветком, и изящные инициалы D. M.

Пытаясь унять дрожь в коленях, Селеста бросилась к туалетному столику. Одним неловким движением она смахнула на пол грудку старых документов — листы с сухим шелестом разлетелись по паркету. Второпях Селеста сломала печать, болезненно задев кожу под ногтем, и развернула плотный лист.

В лицо ударил приторный, удушливый аромат чужих духов. Он был настолько густым, что мгновенно заполнил тесную комнатку. Селесте показалось, что этот запах осел у неё на языке мерзким, маслянистым привкусом. На секунду её повело в сторону. Только сейчас она заметила, как вокруг темно, и как беспомощно трещит камин в углу, не способный согреть эти стены.

Оперевшись испачканной в воске рукой о край стола, она жадно вчиталась в чужие слова.
«Мадемуазель Дюваль,

Мне стало известно о невосполнимой потере, которую недавно понесла ваша семья. Примите мои самые искренние соболезнования.

Ваш отец, господин Огюст Дюваль, незадолго до кончины просил меня позаботиться о вас, если в том возникнет крайняя нужда. Он был человеком редкого ума, и я имела честь знать его многие годы.

Обстоятельства более не позволяют мне откладывать это решение. Я желаю предложить вам место компаньонки в моём доме. Шато де Вальруа остро нуждается в человеке, которому я могла бы полностью доверять. Мне рекомендовали вас как особу безупречного характера и образования.

Жалованье будет более чем достойным, оно позволит вам полностью обеспечить благополучие вашей семьи.

А потому, милая Селеста, если вы ответите согласием, траурная карета будет ожидать вас у порога в следующий понедельник, на рассвете.

Я искренне надеюсь, что вы примете моё приглашение.

С глубочайшим уважением,

Элеонора де Монфор».

Селеста не дышала. Она перечитала строки раз, другой, пока буквы не начали расплываться перед глазами, превращаясь в черные нити.

Её взгляд намертво прилип к имени отца. В груди, прямо под стягивающей ребра тканью платья, заворочалась глухая, уродливая злость. Рука сжалась, сминая край плотной бумаги. Элеонора де Монфор... На слуху были десятки имён торговцев, стряпчих и старых должников отца, но эту фамилию она не слышала из его уст ни единого разу. Никогда.

Девушка обернулась, ища глазами хоть какое-то опровержение этой лжи, и уставилась на старое кожаное кресло в углу.

Комната казалась неестественно пустой и вытянувшейся, словно со смертью Огюста Дюваля из неё выкачали весь воздух. На спинке кресла всё ещё висел его тёмный, поношенный пиджак. Селеста сделала шаг назад и вцепилась пальцами в сукно. Она уткнулась лицом в холодную ткань, отчаянно пытаясь уловить знакомый запах табака и старых книг.

Ничего. Пиджак пах только сыростью и мертвечиной.

Лицо исказилось от подступивших слез, но заставила себя выпрямиться. На секунду сознание помутнилось, но взгляд, направленный на письмо, возвращал к реальности.

Ради Этьена. Жалованья хватит, чтобы вытащить мальчика из нищеты и оплатить его обучение. Чего бы ей это ни стоило.

Селеста медленно повернула голову к темному окну, за которым бесновался ливень.

Понедельник уже завтра.

Попытка выдавить улыбку была провалена, губы едва слушались. Она убрала с лица прилипшую прядь и, не выпуская послания, оттолкнулась от стола.

Мокрый подол платья тяжелым хвостом потянулся по полу, оставляя на паркете темный след. Селеста вышла в узкий, погруженный во мрак коридор. Здесь холод стоял такой, что изо рта вырывался слабый пар. Каждый шаг давался с трудом — ткань облепила бедра, половицы стонали под ногами так громко, словно старый дом пытался её удержать. Селеста остановилась у приоткрытой двери соседней комнаты, перевела дух и только тогда переступила порог.

Здесь было чуть теплее. Этьен лежал на узкой кровати, уткнувшись в раскрытую книгу. В полумраке его тонкий профиль казался пугающе похожим на отцовский.

— Этьен, милый, — её голос сорвался, но она тут же сделала его мягче. — Как ты? У меня... у меня хорошая новость.

Мальчик оторвался от страницы. В его широко раскрытых глазах отразилась тревога. Селеста протянула ему послание. Пальцы крупно дрожали, плотная бумага тихо зашуршала в тишине.

Этьен осторожно перехватил лист. Пока брат вчитывался в замысловатые строки мадам де Монфор, Селеста подалась ближе. Её ладонь потянулась к его голове, зарылась в мягкие волосы, нежно поглаживая. В этом жесте была вся её инстинктивная, почти материнская потребность защитить его, удержать рядом.

Селеста обвела взглядом комнату. В дальнем углу сиротливо пустовала вторая кровать — отцовская. Теперь на ней, словно погребальные холмики, высились аккуратные стопки сложенных вещей Огюста. На прикроватном столике замерла шахматная доска. Фигуры были расставлены посреди неоконченной партии, словно последний ход прервала сама смерть.

Чуть выше, на пыльной полке, теснились массивные словари и старинные трактаты на латыни. Отец часами сидел здесь с Этьеном, переводя эти тексты. Теперь от них осталось лишь тяжелое, давящее молчание.

«*Tempus narrabit*», — время покажет. Так отец любил отвечать на вопросы о будущем. Латынь он успел передать лишь старшей дочери. До Этьена очередь так и не дошла.

Селеста проследила за реакцией брата, всё еще читающего послание. Чернила на бумаге давно высохли, но девушке казалось, что удушливый аромат духов мадам де Монфор уже отравляет и эту комнату, лишая их последнего прибежища.

На низкой тумбочке покоились карманные часы, застывшие в то самое утро, когда Огюста не стало. Они ушли вместе с хозяином, заморозив стрелки на пороге его вечности. Теперь этот мертвый механизм казался зловещим напоминанием о том, что в их доме замерло вообще всё.

У кровати Этьена стоял письменный стол с лакированной поверхностью, отражавшей скудный свет из окна. На нём лежали раскрытые учебники, перья и листы, покрытые аккуратным, строгим почерком. Он бредил географией, каждый день часами просиживая над картами. На полях пожелтевших атласов теснились его заметки и рваные стрелки маршрутов, а в коробке под столом, пахнущей сыростью, тускло поблескивал фарфор минералов.

Мальчик отложил роковое письмо, и тень от занавески рассекла его лицо надвое.

— Этьен? Всё в порядке?

Ответа не последовало. В углах комнаты сгустилось ожидание; старый дом затаил дыхание, наблюдая за ними. Наконец, эту паузу прервал сухой голос мальчика:

— Ты же не поедешь.

Селеста опустила глаза, чувствуя, как к горлу подступает противный ком. Когда успел исчезнуть тот беззащитный ребенок, который прятался в складках её юбки во время грозы? Сейчас перед ней сидел слишком быстро повзрослевший человек.

По бледной щеке покатилась одинокая слеза, оставив за собой дорожку. Селеста порывисто обняла брата, будто пытаясь защитить его и себя от дома, манящего к себе.

— Хотела бы я сказать, что не поеду, — она перевела взгляд на злосчастный листок. — Но ты же сам всё понимаешь, Тен... Иногда у нас просто не остаётся выбора.

Этьен промолчал.

Селеста понимающе отстранилась и подошла к окну. Узкий подоконник, местами облупившийся от вьёвшейся сырости, обжёг пальцы холодом. Сквозь стекло, затянутое серой дымкой дождевых капель, Париж казался размытым, утопающим в грязной акварели. Бесконечный ливень смывал привычные очертания тесных улочек. Там, внизу, изредка проплывали конные экипажи с хмурыми кучерами, а старые дома теснились друг к другу так плотно, словно пытались спрятаться от этого вечного, удушающего сплина.

— Селеста... — беззащитно, совсем по-детски позвал мальчик. — Ты правда собираешься оставить меня?

Он подошёл со спины, робко взял прохладную руку сестры и прижался к ней щекой, зажмурившись, будто это могло остановить неизбежное.

Селеста оцепенела. Осторожно переплетя свои пальцы с его, она с трудом выдавила едкое оправдание.

— Я ненадолго. Жалованье мадам де Монфор позволит нам наконец-то вылезти из долговой ямы. А потом... — девушка оттянула слабую, горькую улыбку, оборачиваясь к нему, — мы купим тебе самый лучший, настоящий глобус. Из цельного дерева.

Этьен не ответил на улыбку. Он поднял на неё свои лихорадочно блестящие глаза и тихо, с пугающей взрослой уверенностью произнёс:

— В такие дома не ездят ненадолго.

В ту же секунду черное небо за окном разорвалось слепящей вспышкой молнии. Свет на мгновение выхватил из темноты их бледные лица, и почти сразу квартиру сотряс оглушительный удар грома. Тонкое стекло жалобно задребезжало под яростным порывом ветра. Казалось, какая-то бесплотная, зловещая сила по ту сторону настойчиво бьется в стекло, пытаясь до них дотянуться.

Селеста отшатнулась от окна. В комнате внезапно стало нечем дышать.

— Понедельник уже завтра, — прошептала она. — Мне нужно собрать вещи.

Селеста опустилась на колени рядом с его кроватью, мягко убрала золотистую прядь со лба брата и легко коснулась губами мягкой кожи.

— Всё будет хорошо. Я обещаю.

Эта клятва, сорвавшаяся с губ, сейчас казалась ей самой зловещей ложью в жизни. Селеста поднялась. Колени отозвались тупой, свинцовой усталостью, но она не подала виду — лишь едва заметно дрогнула тонкая бровь.

Оставив Этьена наедине с его горькими мыслями, она выскользнула в узкий коридор, усталый старой, выцветшей ковровой дорожкой багрово-сумеречного цвета.

Здесь мрак казался осязаемым. Деревянные панели стен будто сдвигались, сжимали пространство, стремясь удержать её в своих невольничьих объятиях. В легкие толкнулся пресный воздух, пахнувший вековой пылью и чужой тоской. Перед глазами поплыли серые круги, а ковер под ногами показался бесконечной, тягучей лентой, уходящей в никуда. Селеста прижалась ладонью к ледяной стене, чтобы удержать равновесие. Пальцы соскользнули по шероховатым обоям. Впереди, точно спасительный маяк, уже виднелся проем её комнаты, залитой чахоточным, костным светом из окна. Сделав последнее усилие, она переступила порог и только тогда заставила себя обернуться.

Этот коридор всегда пугал её. Каждый раз, проходя по нему, Селеста невольно ускоряла шаг, стремясь поскорее захлопнуть за собой дверь. Истинная причина этой глухой паранойи до сих пор оставалась для неё загадкой. Казалось, сами стены старого дома шептали о том, что её уход — это начало чего-то необратимого. Или это был вовсе не страх, а пугающее, сладкое предчувствие грядущего краха?

Она провела дрожащей рукой по лбу, размазывая выступившую холодную испарину. Дыхание **со свистом рвало грудь**, но постепенно выравнивалось. Взгляд беспокойно метнулся по комнате, цепляясь за привычные, родные предметы, словно проверяя, не изменил ли их этот вечер.

Закрыв глаза, Селеста сделала три глубоких вдоха и бессильно опустилась на край кровати. Матрас под ней жалобно скрипнул. Пальцы вслепую нащупали на тумбочке маленькое карманное зеркальце — подарок покойной матери. Она медленно провела подушечкой пальца по потёртому латунному корпусу, задерживаясь на глубоких царапинах, а затем повернула его к себе.

Из мутной, слегка потемневшей от времени амальгамы на неё взглянуло чужое лицо. Губы едва заметно дрожали, зрачки были расширены от пережитого напряжения. Селеста долго, неотрывно смотрела в собственные глаза, будто пыталась узнать в этой испуганной, загнанной девушке ту сильную женщину, которой ей придётся стать в доме мадам де Монфор.

Селеста резко, со стуком опустила зеркало стеклом вниз.

Хватит.

Она подошла к узкому шкафу, где томился её немногочисленный гардероб. На полках ровными стопками лежали выцветшие, потерявшие цвет платья. Опустившись на колени, Селеста просунула руку в глухое, пахнущее пылью пространство под дном шкафа и нащупала

то, что искала. С трудом вытащила небольшой кожаный саквояж — сиротливое наследство, оставшееся после отца.

Проведя ладонью по крышке, Селеста стёрла тонкий налет забвения. Саквояж давно не открывали. Когда тяжёлая кожаная пасть приоткрылась, наружу вырвался застоявшийся дух сухого дерева, старой кожи и вяжущего, приторного аромата лаванды, которую мать когда-то перекладывала между вещами.

Она посмотрела на скудную стопку платьев. Медленно, точно прощаясь с каждым из них, Селеста перебирала ткани. Пальцы осторожно разглаживали складки, прежде чем очередное платье занимало своё место в глубине сумки. Она складывала вещи бережно, стараясь обмануть пространство и занять каждый свободный уголок. За окном окончательно стемнело. Бесконечный ливень по-прежнему терзал Париж, безумно барабанил по стеклу и железным скатам соседних крыш.

В полумраке Селеста нащупала подсвечник и поставила его рядом. Оставалось лишь найти спички. Один за другим выдвигались ящики тумбочки, затем письменного стола. Катушки ниток. Пожелтевшие письма. Пусто. Она заглянула даже под стопки бумаг, хотя её пальцы уже подрагивали от подступающего раздражения. Ничего.

— Этьен?

Голос прозвучал негромко и сразу утонул в затхлой, неподвижной тишине квартиры. Ответа не последовало.

— Этьен...

По-прежнему глухо. Поднявшись с корточек, Селеста замерла. В груди разлился колющий, парализующий холод.

Забыв о привычной неприязни к темноте коридора, она поспешила к комнате брата. Осторожно нажав на медную ручку, приоткрыла дверь и задержала дыхание. Этьен лежал неподвижно. Не двигался. Не издавал ни звука. Селеста невольно прижала ладонь к губам, чувствуя, как внутри всё стягивается в тугой узел. Сделав шаг через порог, она замерла, вглядываясь в непроглядный сумрак.

Комната тонула в чернильной темноте. Очертания постели казались размытыми, и разглядеть, поднимается ли его грудь, было невозможно. Селеста медленно подошла ближе. Светлые пряди упали ей на лицо, когда она склонилась над кроватью. Дрожащая рука осторожно потянулась к брату, почти коснулась его плеча...

Вдруг тёплая, сухая ладонь мягко, но крепко сомкнулась на её запястье.

— Селеста?

Девушка вздрогнула, судорожно втянув воздух.

— О боже, Этьен! Знал бы ты, как ты меня напугал! — с трудом сдерживая дрожь в голосе, прошептала она.

Мальчик потер глаза, смахивая навязчивую дрему.

— Ты меня звала? Прости, я не заметил, как заснул.

— Спички. Ты их видел?

Этьен задумчиво запустил руку в растрепанные волосы. Он поднялся с кровати и подошел к полке, криво повешенной над столиком. Вернувшись к сестре, протянул ей скомканный, потертый коробок.

— Если не уснешь, приходи ко мне, — Селеста приняла коробочку и добавила шепотом, — не хотела тебя будить.

Она ласково сжала его плечо и тихо прикрыла за собой дверь.

Вернувшись в комнату, Селеста прямо с порога чиркнула спичкой. На её кончике с треском расцвел огонек. Прикрыв глаза, она завороченно наблюдала, как дрожит это маленькое пламя, словно человеческая жизнь — бьется за свое существование. И вот огонек потух. На

ладони осталась лишь тонкая, мёртвая щепка. Селеста разжала пальцы. Спичка беззвучно упала на пол, оставив после себя едва уловимый, горький шлейф дыма.

Неужели это все, что оставляет после себя человек?

Тогда нужен пожар.

Достав вторую спичку и поднеся огонёк к фитилю, Селеста наконец зажгла свечу. Пламя ожило, разгоняя тьму дрожащим золотистым светом. Одной свечи было явно мало, чтобы победить мрак комнаты. Взгляд скользнул по оставшимся огаркам, но рука к ним не потянулась — Селеста лишь глубже задвинула их на полку. Их надо оставить ему.

Она вернулась к вещам. Карманные часы и потрепанный дневник отца легли в самый угол саквояжа. Она бережно расправила цепочку часов, чтобы та не запуталась. Пальцы на мгновение замерли на металле, прежде чем защелкнуть замок. Следом отправились записная книжка, карманное зеркальце и ещё несколько мелочей. Любимое платье Селеста оставила снаружи — его предстояло надеть утром.

Закончив, она задержала ладонь на потертой кожаной крышке. По свече медленно стекали прозрачные, похожие на наплывы на старых склепах струйки воска. Пламя едва заметно покачивалось от сквозняка.

Селеста перевела взгляд на порог. В темноте коридора угадывались движения, тихие, размеренные шаги. На пороге материализовался Этьен. Выражение его лица было сдержанным, почти суровым. Поджатые губы нервно подрагивали. Он приблизился. В его руке было что-то крепко зажато, и, заметив вопросительный взгляд сестры, мальчик смутился, едва заметно поморщив нос. Брат стремительно подбежал к раскрытому саквояжу и бросил туда небольшой предмет.

Селеста подползла ближе и запустила руку внутрь. Этьен отвёл взгляд. В ладони оказался гладкий камень — склеротически-белый, со слепыми зелёными разводами.

— Ты серьёзно?

Этьен пожал плечами.

— Не знаю. На удачу.

Сестра едва заметно улыбнулась и потянулась к нему. Обняла брата, уткнувшись носом в его плечо.

Дождь постепенно стихал. Сальный огарок свечи неторопливо оплывал на тумбочке у окна, исходя сизым дымком. Морось отбивала монотонный, погребальный ритм по подоконнику. Селеста лежала под ворохом тонкой ткани, судорожно сжимая пальцами край простыни и неотрывно изучая ломаные трещины на потолке. Час, два — а может, и вечность. Она то и дело переворачивалась с боку на бок, взбивая кулаком подушку и шумно вздыхая в полумраке. Пальцы торопливо перебирали складки одеяла, словно чётки, пока за окном утихали редкие шаги редких прохожих.

Тяжёлое забытие наконец накрыло её изнурённый разум. Оно дарило удушливое блаженство, растекалось по венам и отравляло каждую впадину мыслей. Словно дурманящее вино — сон опьянял.

Чернильное ночное небо постепенно уступило место чахоточному рассвету. Навалилось пасмурное утро, затянутое свинцовыми облаками. За стеклом царила пустота. Плотный, сырой туман полз по улицам, запелёнывая дома. Селеста резко открыла глаза и тут же зажмурилась от резкого вдоха, тупо уставившись в серую штукатурку над головой.

Несколько секунд она неподвижно лежала, вслушиваясь в гнетущую, склеенную сыростью тишину. Затем медленно поднялась, опустив босые ступни на ледяной дощатый пол. Изношенное кремовое платье облегло талию, подчёркивая измождённую хрупкость фигуры и острые плечи. Девушка подошла к окну и прижалась лбом к холодному стеклу.

Смотреть было не на что.

Там ничего не было.

Только плотная молочная пелена, полностью поглотившая Париж.

Селеста прошла в уборную. Ледяная вода обожгла кожу, окончательно вытравливая остатки дурмана. Вернувшись в комнату, она зябко передёрнула плечами и принялась облачаться в заранее подготовленные вещи. В следующий момент пальцы уже упрямо заталкивали костяные пуговицы в тугие петли.

Сегодня все изменится.

Дорожное платье пыльно-голубого цвета безжизненными складками спадало почти до самого пола, лишь слегка касаясь шербатов досок. Высокий воротник, отороченный кремовым кружевом, плотно стягивал шею, словно чужая ладонь, а приталенный лиф туго обрисовывал хрупкий силуэт. Длинные рукава заканчивались глухими манжетами с крошечными, похожими на молочные зубы жемчужными пуговицами. Простая лента на талии оставалась единственным украшением этого скромного наряда.

Поверх платья Селеста набросила тёмный плащ из пахнущей погребом шерсти. Его широкий капюшон сиротливо лежал на плечах, а плотная ткань обещала хоть немного защитить плоть от ноябрьской сырости.

Девушка принялась за причёску. На столе она нащупала шпильку с помутневшей жемчужиной. На секунду Селеста замерла, бережно потирая подушечкой пальца старый скол на перламутре — точно так же, как когда-то делала её покойная мать, сидевшая перед этим же зеркалом. Рука девушки миглом заколола волосы в низкий, слегка свободный пучок. Несколько прядей выбились у висков, тенью очерчивая ввалившиеся скулы.

Пальцы сжали холодную ручку саквояжа. Пора. Шаг к двери дался тяжело, подошвы со скрипом отозвались на движение.

В ту же секунду из соседней темноты показалась бледная, заспанная физиономия Этьена.
— Селеста? Я провожу тебя, я быстро.

Губы девушки тронула слабая, вымученная улыбка.

Мальчик тут же скрылся в глубине своей коморки. Из-за двери донёсся торопливый, шуршащий, словно мышьяная возня, шорох одежды, приглушённый стук выдвинутого ящика, затем — короткая суэта. Не прошло и минуты, как брат вновь возник в сером коридоре.

Школьный жилет сидел криво. Светлые волосы нелепо торчали дикими вихрами, храня следы наспех брошенной попытки пригладить их мокрой рукой.

Этьен бережно разжал зацеп сестры на рукояти саквояжа и рывком взвалил его на плечо.

— Перестань, я справлюсь.

— Он слишком тяжёлый, Тен! Прошу...

Но юноша не желал больше слушать. Он резко отвернулся, упрямо вскинув подбородок и до боли стиснув челюсти — Селеста мгновенно узнала эту фамильную гордость по-наследству. Девушка метнулась к выходу и навалилась на засов, распахивая створку.

Они вышли на площадку.

Лестница уходила вниз узким, колодезным разрезом. Где-то наверху истекал чадный свет газовой лампы — слишком немогущий, чтобы прорезать скопившуюся в пролётах тень. Селеста спускалась вровень с братом. Железный каркас саквояжа тянул его к земле, заставляя позвоночник уродливо перекосяться. Каблуки с лязгом вгрызались в каменные ступени, плодя ломающее эхо по этажам. Этот спуск длился бесконечно, ступени будто плодились одна за другой.

Миновав последний пролёт, они упёрлись в дубовое полотно. Селеста толкнула его плечом. Дверь ответила пронзительным, металлическим визгом. Петли зашлись сухим стоном, предостерегая от шага наружу.

В лицо ударил сырой, промозглый воздух. Улица утопала в молочной дымке. Она застыла между домами трупным слоем, съедая острые углы мансард и растворяя силуэты домов. Редкие фонари едва тлели, огонь так и задыхался внутри стеклянных колб, не в силах пробить эту ослепшую извесь.

Шаги мгновенно вязли в этой глухоте. Весь Париж казался вымершим, будто город стёрли с карты.

Внезапно саквояж слетел с плеча Этьена и с утробным стуком рухнул на мостовую. Короткий звук прорезал пустоту и сразу захлебнулся. Селеста испуганно обернулась. В блеклой дымке фигура брата мгновенно расплылась, обращаясь в неясный, тающий силуэт, словно их разделяли мили пространства.

— Этьен, ты здесь?

— Я здесь. Пытаюсь разглядеть экипаж. Что случилось?

Его голос разошёлся по улице искажённым, надтреснутым звуком — его поочерёдно подхватили сочащиеся влагой стены, подгнившие камни мостовой и сам воздух, прежде чем окончательно поглотить.

Внезапно тишину прорезали хлёсткие удары. Ритмичный, пульсирующий стук приближался со всех сторон сразу, рождаясь везде и нигде. Из туманной пустоты выплыло слепое жёлтое пятно фонаря. Цокот копыт резко оборвался. Прямо перед ними, соткавшись из серой завесы, выросла карета. Селеста почувствовала рядом чужое дыхание — горячее, живое, слишком осязаемое для этого окаменевшего пространства.

Этьен стоял вплотную к ней, прижимая к боку объёмистую сумку.

Звон упряжи медленно сошёл на нет. Колесница замерла почти бесшумно — так, словно сама не желала тревожить спящий город.

Кучер безмолвной тенью спрыгнул с козел. Это был испитой старик в тёмном пальто, чья промокшая ткань застыла жёсткими, колом стоящими складками. Лицо его, изрытое глубокими морщинами, походило на окаменевшую маску, которая так и не научилась выражать эмоции.

— Мадемуазель Дюваль?

Между ними повисла секундная пауза.

— Да, — вытолкнула она из пересохшего горла.

— Я прибыл за вами.

Кучер распахнул лакированную дверцу, жест прозвучал как щелчок тюремного замка. Судья вынес приговор.

Селеста шагнула к экипажу, остро ощущая, что мосты за её спиной сожжены.

Кучер придерживал распахнутую створку, уставившись на девушку своим безучастным, стеклянным взглядом. Этьен, застывший каменным изваянием, наконец нарушил тишину:

— Ты правда уезжаешь сейчас?

Она промолчала. Любой ответ был бы неправильным. Селеста аккуратно перехватила ношу из рук брата и протолкнула саквояж в зияющую темноту кареты. Кожаные сиденья внутри пахли застарелым нафталином и кладбищенской сыростью.

— Я вернусь, — выдохнула она едва слышно.

И сама не знала, кого пытается обмануть этим заверением.

Этьен судорожно сжал челюсть. Он не спорил. Не умолял. Лишь глядел на неё потускневшими глазами — так смотрят те, кто уже познал слишком много горя для своего возраста.

Девушка занесла ногу над металлической подножкой. В это мгновение её рукав натянулся, удерживаемый чьей-то силой.

Селеста обернулась.

Брат приник к ней почти вплотную — вопреки своей обычной отстранённой гордости. Его руки впились в серо-голубую шерсть, словно это был последний осязаемый рубеж, удерживающий весь их рушащийся мир от падения в бездну..

— Недолго... — наконец сорвалось с его сухих губ.

Голос брата прозвучал запнуто, ему самому было не под силу поверить в собственные слова.

Селеста опустила веки, прячась от этой пытки.

— Недолго, — повторила она едва слышным выдохом, словно проверяя, выдержит ли это заверение натиск яви.

Пальцы Этьена медленно соскользнули с ткани. Но он не сдвинулся с места. Ещё мгновение юноша стоял рядом, точно силился зафиксировать в памяти её облик целиком — изгиб скул, шёпот, тепло угасающего дыхания, даже то, как серая мгла ложится на пряди.

Затем резко отвернулся, отчаянно цепляясь за остатки стойкости.

— Иди, — швырнул он в пустоту.

Кучер выждал это прощание у подножки с непоколебимым, леденящим терпением. Селеста шагнула в зев повозки и замерла на пороге. Она не обернулась. Знала — если поддастся порыву, то навсегда останется на этой мостовой.

Створка захлопнулась. Лязгнул засов. И прежняя жизнь отныне была погребена по ту сторону дерева и железа.

Внутри экипаж больше не казался средством передвижения. Мягкая бархатная обивка туго обступала со всех сторон, и Селесте почудилось, будто она очутилась в утробе какого-то колоссального затаившегося зверя, проглотившего её целиком. Здесь пахло душным нутром левиафана — старой кожей и тленом.

Колесница качнулась и пришла в движение. Донёсся едва уловимый, стонущий хруст, но спустя пару мгновений воцарился штиль. Пространство быстро онемело. Впереди, за стеклом, едва угадывался неподвижный силуэт возницы. Его плечи не вздрагивали в такт ходу, будто сама дорога под копытами перестала существовать. Только капли, лениво чертившие дорожки по мутному стеклу, доказывали, что время ещё не остановилось окончательно.

Дорогие бархатные сиденья должны были дарить уют, но вызывали лишь брезгливый ужас, словно Селеста касалась шкуры чудовища.

Она попыталась уловить хоть что-то.

Ни стука подков.

Ни грохота ободьев.

Ни завывания ветра.

Лишь собственное загнанное дыхание, которое к тому же сделалось чужим, доносившимся из глубокого колодца.

Селеста провела ладонью по стеклу, отчаянно нуждаясь в осязаемом доказательстве реальности. В этот миг прямо над её ухом соткался бесплотный, ровный шёпот:

— Не открывайте окно.

Голос возник из ниоткуда, обдав шею ледяным сквозняком.

— Почему?

— Не сегодня.

Впереди, на козлах, в той же застывшей позе сидел старик. Были ли эти слова кучера? Или говорил сам этот странный экипаж? Девушка вжалась в сиденье, инстинктивно отпрянув от стекла. Нечто чуждое выталкивало её, не позволяя находиться рядом с окном.

Повозка ощутимо накренилась, словно колесо угодило в глубокую рытвину. Но ни удара, ни скрежета оси, ни всплеска грязи не последовало. Мир окончательно забыл снабжать движение звуками.

Единственное, что нарушало покой — удары собственного сердца. Но даже оно уже сбивалось с привычного ритма, запинаясь в груди.

Селеста снова напрягла слух.

Нет, цокот копыт всё-таки доносился.

Или ей просто отчаянно хотелось в это верить.

Она крепко сдавила ладонями виски, пытаясь списать всё на банальное утомление. Повтори эту ложь про себя ещё несколько раз — и, возможно, разум поддастся.

Селеста опустила взгляд на свои колени, бездумно разглядывая кисти рук. Глухота становилась невыносимой, давящей на барабанные перепонки,

но из темноты впереди неожиданно долетел ровный голос мужчины:

— Вам уже снился этот дом?

Селеста вскинула голову, вглядываясь в спину на козлах.

— Какой дом?

Кучер не торопился с ответом.

Несколько секунд пространство впитывало лишь тяжёлое, размеренное сопение лошадей. Затем старик едва заметно качнул головой:

— Значит, ещё нет.

И вновь оцепенел.

Селеста сверлила глазами его каменный затылок, содрогаясь от подступившего к горлу непонимания, и отвернулась к окну.

Мертвенная мгла всё так же пожирала мир. И именно сейчас девушкой впервые овладело неистовое, паническое желание разглядеть хоть что-нибудь за пределами повозки.

Сперва пелена оставалась монолитной, словно весь земной шар растворили в кипящем молоке. Но постепенно ткань тумана начала истончаться. Из рассеивающегося марева проступили первые уродливые очертания деревьев. Их обнажённые, узловатые ветви переплетались, точно костлявые отростки. Они походили на вздувшиеся чёрные вены; тянулись во все стороны, бесконечно разрастаясь по краям дороги.

Селеста нахмурилась, соображая, в какой момент городская брусчатка уступила место этой глуши. Она упустила миг, когда исчезли парижские дома. Да и существовали ли они вообще сегодня утром?

Ободья колёс с сухим шуршанием въехали на гравий. Вместе с этим движением в капсулу кареты хлынули и другие звуки. Настоящие, земные. Где-то шумно фыркнула кобыла. Ожило лёгкое, скрипучее покачивание рессор.

Грудь Селесты освободилась от удушья, и она шумно выдохнула.

Всё вокруг снова обрело правильное, привычное звучание.

За частоколом ветвей постепенно сгущалось нечто грандиозное. Тёмное пятно неумолимо вытягивалось ввысь, заслоняя горизонт. Сквозь зыбкую пелену начали проступать строгие, безупречные линии. Они сходились под прямыми углами, оцетинившись против неба бесчисленными чернеющими провалами.

Шато де Вальруа медленно являло себя взору, словно восставая из могильного забвения.

Прямоугольное изваяние из пепельного, пористого камня, напоминавшего истёсанный известняк старых склепов. Длинный, бесконечный фасад был расчерчен десятками вытянутых проёмов — одинаковых настолько, что взгляд мгновенно терялся, путался в их гипнотическом ритме. Крутая темная кровля со множеством надстроек казалась чернильной кляжкой на фоне свинцовых туч. По углам высились башни с коническими шпилями, похожими на наконечники старых копий, а широкая каменная лестница, напоминающая ритуальный алтарь, вела к дубовым вратам.

Ни единой струйки дыма над печными трубами.

Ни одной живой души у парадного входа.

Лишь молчаливое, каменное чудище, которое слишком долго и терпеливо выжидало появление своей жертвы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.